

Коммуникативный статус пропозиций и псевдосочинительная полипредикативная конструкция

А. Б. Шлуинский

Институт языкознания РАН; ash1@yandex.ru

Этот текст изначально был написан в 2002 г. для сборника статей молодых ученых филфака МГУ по мотивам дипломной работы, защищенной в том же году под руководством юбиляра. Сборник несколько лет ждал своего часа, а когда в конце концов вышел, именно этой статьи по неизвестным причинам в нем не оказалось. Теперь я подумал, что фештшриффт — хороший случай статью, которая имеет непосредственное отношение к В. А., открыть, отредактировать, более чем вдвое сократить и все-таки напечатать. Конечно, внесенная правка не меняет того, что, мягко говоря, не полностью учтено всё значимое для ее темы, что с тех пор произошло в лингвистике и что узнал лично я.

Я с ужасом заметил, что формально в статье нет ссылок на работы В. А., что странно для фештшриффта. Он знает и я знаю, что тюркский материал здесь рассматривается через оптику, обусловленную тем, что в 1998 г. им была объявлена тема курсовой работы о ведийском инъюнктиве с позиций типологии глагольных категорий, но как догадаются другие читатели? Скажу главное: это исследование находится в ряду заданного юбиляром направления поиска ключей к употреблению грамем не только собственно в грамматической семантике, но и в функционировании дискурсивных и коммуникативных категорий¹.

Предметом рассмотрения будут семантические свойства т. н. псевдосочинительных полипредикативных конструкций, обладающих следующими свойствами. Глагольные формы, которые являются синтаксическими

¹ Считаю своим долгом поблагодарить В. А. Плуиного за несколько лет научного руководства, эта статья, как уже сказано, малая толика того, что происходило в те годы. Я также благодарен А. Г. Пазельской, с которой я много обсуждал тему статьи и примеры которой частично используются в работе; Е. В. Падучевой за консультации по проблемам коммуникативного статуса; Н. М. Стоиновой за прочтение и замечания еще в 2002 г.

вершинами этих предикаций, морфологически неоднородны и неравноправны: одна из них выражает грамматические значения, относящиеся ко всей конструкции, а другая, нефинитная, имеет только отсылку к первой. Обе возглавляемые ими предикации равно важны для говорящего, то есть семантически конструкция является сочинительной². Цель работы — показать, какие семантические свойства предикаций определяют эту равную важность. Материалом работы³ являются деепричастные конструкции мишарского диалекта татарского языка и низового диалекта чувашского языка, но пафос касается и прочих псевдосочинительных конструкций.

Пример деепричастной псевдосочинительной конструкции представлен в (1а), где один глагол имеет показатель гортатива, а другой глагол употреблен в форме деепричастия, однако с семантической точки зрения перед нами два равноправных призыва говорящего к самому себе. Таким образом, в (1а) деепричастие наследует значение гортатива у финитной формы и тем самым вместе с возглавляемой им предикацией входит в сферу действия этого показателя и модального оператора, который является его значением. Сравним (1а) с (1б), где употреблена другая деепричастная форма, выражающая обстоятельственное значение предшествования и не входящая в сферу действия гортатива⁴. Это различие в семантической структуре «обычных» и псевдосочинительных полипредикативных конструкций во многом объясняет сочинительную семантику последних.

(1) ТАТАРСКИЙ

a. *alma aša-p kit-i-m*
яблоко есть-CVB уходить-НОРТ-1SG
'Съем-ка я яблоко и уйду-ка'.

b. *alma aša-gač kit-i-m*
яблоко есть-CVB.ANT уходить-НОРТ-1SG
'Уйду-ка я, когда съем яблоко'.

Формализацию интуитивного понятия важности предикации для говорящего предлагает теория дискурса, в частности Теория риторических структур (Mann et al. 1992), где различаются равноправные и неравноправные дискурсивные отношения между предикациями. Среди равноправных основные два — это отношения Последовательности (Sequence)

² Эти конструкции часто (но не всегда) проявляют и свойства синтаксического сочинения — см., например, Рудницкая 1997 для корейского языка. Синтаксическая тематика остается за пределами статьи.

³ Собран в экспедициях ОТиПЛ МГУ 1999–2001 гг.

⁴ Аналогичные пары примеров для турецкого языка см. в Johanson 1995: 323.

и Конъюнкции (Joint), соответствующие цепочкам предикаций, которые описывают ряд ситуаций, происходящих последовательно или одновременно. Неравноправных отношений введено существенно больше, из них интерес представляет Обстоятельство (Circumstance), соответствующее двум ситуациям, происходящим одновременно или последовательно, так что одна из них имеет меньшую дискурсивную значимость. Так, Конъюнкцию иллюстрирует *Вася лежит и читает*, а Обстоятельство — *Вася читает лежа*. В такой терминологической системе конструкции, как в (1а), примечательны тем, что в них асимметричное морфологическое оформление использовано не для Обстоятельства, а для равноправных Последовательности и Конъюнкции.

Полипредикативные псевдосочинительные конструкции не являются единственным типом псевдосочинительных конструкций: существуют комитативные конструкции, приобретающие сочинительное значение. Если деепричастие обычно выражает понижение дискурсивной значимости ситуации, то комитатив указывает на пониженную дискурсивную значимость ее участника. Как показано в Архипов 2001⁵, комитативная конструкция различает между собой участников ситуации, имеющих одну и ту же семантическую роль, но разный коммуникативный ранг. В Падучева 1998 коммуникативный ранг участника определяется синтаксической функцией соответствующей ему именной группы. Сочиненные именные группы имеют одинаковый коммуникативный ранг, а в комитативной конструкции комитативная именная группа всегда имеет периферийный коммуникативный ранг, а некомитативная — более высокий. При этом в псевдосочинительной конструкции одна из именных групп оформляется комитативом, однако образует с другой единую синтаксическую составляющую и тем самым получает и тот же коммуникативный ранг, как в *Маша с Васей пришли*.

Если продолжить аналогию двух типов псевдосочинительных конструкций, то возникает вопрос об аналоге понятия коммуникативного ранга для пропозиции. Говорить о коммуникативном ранге пропозиции в том же смысле, что и о коммуникативном ранге участника ситуации, невозможно, так как у предикации нет набора ранжированных синтаксических позиций. Однако пропозиции имеют другой тип свойств, отличающих их друг от друга, — коммуникативный статус. В Падучева 1996: 243 различаются ассертивный, пресуппозитивный, имплицативный, нейтральный, атрибутивный коммуникативный статусы и другие. Как известно, пропо-

⁵ В последующих работах А. В. Архипова рассуждение модифицировано, в частности, не используется терминологический аппарат Е. В. Падучевой.

зиции, имеющие пресуппозитивный статус, отличаются от пропозиций, имеющих ассертивный статус, тем, что не входят в сферу действия оператора отрицания, а также модальных операторов. Упомянем атрибутивный статус: если ассерция входит в сферу действия оператора отрицания, то атрибут туда не входит, но, в отличие от пресуппозиции, не сохраняет истинность, «а лишается смысла и пропадает» (Падучева 1996: 244). В русском языке для атрибутивного статуса пропозиции, выраженной отдельной предикацией, используется деепричастный оборот: *Вася читает лежа*. Аналогичная отрицательная конструкция — в условиях нейтральной информационной структуры — находится на грани приемлемости: *?Вася не читает лежа*. Однако в татарском и чувашском языках предикации с деепричастиями могут быть и ассерциями, и пресуппозициями.

Суммируя, дискурсивное отношение Обстоятельства, а не Конъюнкции или Последовательности, пониженная дискурсивная значимость некоторой предикации и, как частое следствие, редукция ее морфологического оформления являются формальным отражением атрибутивного коммуникативного статуса. Две равноправные, то есть семантически сочиненные, пропозиции имеют равный коммуникативный статус, по умолчанию ассертивный. Тогда в псевдосочинительной деепричастной конструкции коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с нефинитной формой, и коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с финитной формой, должны совпадать.

Так, деепричастие на *-se* в (2b) наследует значение дезидератива у финитной формы. На семантическом уровне предложению (2b) соответствует модальный оператор желания, в сферу действия которого входят две пропозиции. То, что деепричастие входит в сферу действия оператора, подтверждается тем, что его коммуникативный статус является ассертивным. С другой стороны, ассертивный статус пропозиции ‘Вася ест суп’ в (2a) вынуждает ее, по определению, входить в сферу действия оператора желания в (2b) и тем самым наследовать значение дезидератива. В (2c) употреблена другая деепричастная форма, имеющая значение предшествования. Пропозиция, выражаемая обстоятельственным предложением времени, как правило, имеет пресуппозитивный коммуникативный статус и, следовательно, не должна входить в сферу действия модальных операторов. Как и ожидается, в (2c) пропозиция ‘Вася ест суп’ сохраняет значение истины, то есть является пресуппозицией.

(2) ЧУВАШСКИЙ

- a. *vaš'ša jaška ši-se čej iš-et'*
 Вася суп есть-CVB чай пить-PRS.3SG
 ‘Вася ест суп и пьет чай’.

b. *vašš'a jaška ši-se čej iš-es-šën*

Вася суп есть-CVB чай пить-FUT-DESID

‘Вася хочет есть суп и пить чай’.

c. *vašš'a jaška ši-sen čej iš-es-šën*

Вася суп есть-CVB.COND чай пить-FUT-DESID

‘Вася, съев суп, хочет пить чай’.

Существенно, что в татарском и чувашском языках наследование деепричастием отрицания у финитного глагола сопряжено с наследованием модальности: деепричастие рассматриваемого типа либо входит в сферу действия обеих категорий, либо не входит в сферу действия ни одной из них. Так, чувашская форма на *-se* многозначная и может быть как псевдосочинительной и ассерцией (3а.1), так и подчинительной и пресуппозицией (3а.2), но каждое из этих двух значений последовательно взаимодействует с обоими типами операторов (3б).

(3) ЧУВАШСКИЙ

a. *jaška ši-se čej iše-t-ën*

суп есть-CVB чай пить-PRS-2SG

1. ‘Ты ешь суп и пьешь чай’.

2. ≈ ‘Ты, когда ешь суп, пьешь чай’.

b. *jaška ši-se čej an iš*

суп есть-CVB чай PRON пить.IMP

1. ‘Не ешь суп и не пей чай’.

2. ≈ ‘Когда ешь суп, не пей чай’.

3. *‘Ешь суп и не пей чай’.

4. *‘Когда не ешь суп, не пей чай’.

Таким образом, способность нефинитной глагольной формы наследовать значения глагольных категорий финитной объясняется равным коммуникативным статусом пропозиций, что, в свою очередь, коррелировано с семантическим равноправием этих пропозиций, то есть с семантическим сочинением и с равноправным дискурсивным отношением.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CVB — деепричастие; CVB.ANT — деепричастие предшествования; CVB.COND — деепричастие условия или предшествования; DESID — дезидератив; FUT — будущее время; HORT — гортатив; IMP — императив; PRS — настоящее время; PRON — прохитив; SG — единственное число.

Литература

- Архипов А. В. 2001. *Когнитивная и формальная структура комитативных конструкций*. Дипломная работа. М.: МГУ.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: ЯРК.
- Падучева Е. В. 1998. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. *Семиотика и информатика*, вып. 36, 82–107.
- Рудницкая Е. Л. 1997. Проблема алтайского сочинения в корейском языке. *Вопросы языкознания*, №6, 89–99.
- Johanson L. 1995. On Turkic converb clauses. In: M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 313–348.
- Mann W. C., Matthiessen Ch., Thompson S. A. 1992. Rhetorical structure theory and text analysis. In: W. C. Mann, S. A. Thompson (eds.). *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 39–78.